РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

записанные Ю. Н. Бартеневымъ [1].

I.

По приходѣ моемъ къ князю я принялся читать ему послѣднія четыре записки [2]), коими повидимому онъ остался доволенъ, ибо нашелъ ихъ вѣрными въ изложеніи того, что было сказано имъ въ прошлый разъ. Въ иныхъ мѣстахъ однако поправлялъ мои небольшіе промахи, особенно въ фамиліяхъ лицъ, для меня вовсе неизвѣстныхъ.

Но если гдѣ въ сихъ запискахъ излагалось сужденіе о самомъ о немъ, гдѣ уже я самъ бралъ на себя собственнымъ усмотрѣніемъ опредѣлять характеръ князя, оттѣнки его привычекъ, иногда даже противорѣчія въ обычныхъ и свойственныхъ ему дѣйствіяхъ,

---

[1]) Разсказы эти составляютъ, какъ отмѣчено на обложкѣ тетради, изъ которой мы ихъ беремъ, главу вторую записокъ. Глава эта была „нѣсколько разъ прочитана князю А. Н. Голицыну".

Прим. Ю. Н. Бартенева.

22-го ноября 1840 г.

[2]) Записками и вмѣстѣ программами я называю на скоро составленные мною черновые сколки князевыхъ импровизацій. Поистинѣ всякій разсказъ князевъ можно назвать импровизаціею: полнота, послѣдовательность, одушевленіе, точность въ подробностяхъ, часто доходящая до пуризма, суть непремѣнныя условія всякаго, сколько нибудь продолжительнаго, разсказа князева. Намѣренныхъ обмолвокъ и неясностей князь вовсе не терпитъ; я не люблю, говаривалъ мнѣ неоднократно князь, тѣхъ анекдотовъ гдѣ истина перемѣшана съ вымыслами; такіе жалкіе разсказы не имѣютъ въ глазахъ моихъ ни малѣйшаго интереса. И вотъ моя мнительность, и безъ того уже всегда озабоченная, подстрекала меня безпрестанно подставлять предъ глаза князевы написанное мною. Ю. В.

въ то время князь молчалъ, но слушалъ прилежно. Мои сужденія могли быть иногда дерзновенны, но всегда добросовѣстны. „Какъ вы думаете, в. с., спрашивалъ я иногда его; вѣрно ли я подмѣтилъ не уловимыя для всякаго другаго свойства ваши; достойно ли я изобразилъ ихъ?“ Князь на такіе вопросы отвѣтствовалъ мнѣ всегда одинаково:

— „Я не могу, говорилъ онъ, быть судьею въ дѣлѣ, столь для меня близкомъ, не могу ничего перемѣнить здѣсь, ибо ты усматриваешь, такъ пусть и будетъ по твоему усмотрѣнію“.

— „Надобно тебѣ разсказать главное, сказалъ князь, а именно объ обращеніи моемъ и блаженной памяти государя Александра къ христіанству; но я желалъ бы только, чтобы все, что ты писать будешь о покойномъ государѣ, дѣлалъ бы то съ нѣкоторою скромностію, ибо память его для меня священна; пусть изчезавшіе еще во время жизни его человѣческіе недостатки покроются на всегда священнымъ покровомъ безмолвія“.

Я осмѣлился замѣтить князю, что ничего не надобно искусственнаго и изысканнаго въ нашихъ частныхъ и откровенныхъ бесѣдахъ. „По мѣрѣ того, какъ память ваша внушитъ вамъ что нибудь сказать мнѣ, тогда и говорите, а я постараюсь записать это“.

— „Я теперь же бы хотѣлъ поговорить съ тобою, сказалъ мнѣ князь,—желаешь ли ты и расположенъ ли слушать меня?“

— Я весь вниманіе, отвѣчалъ я князю.—И вотъ вельможный повѣствователь на просторѣ и съ нѣкоторымъ увлеченіемъ сердца началъ мнѣ разсказывать занимательнѣйшія подробности своей и общей государственной жизни.

Когда изъ московской ссылки я возвратился въ Петербургъ, началъ князь, то государь въ скорости призываетъ меня къ себѣ и говоритъ мнѣ съ нѣкоторою серіозностію: „Послушай, князь, мнѣ кажется, что тебѣ не ловко быть безъ публичной должности: вся петербургская публика знаетъ, какъ ты у меня коротокъ, а между тѣмъ ты еще все до сихъ поръ не служишь“. И вотъ тутъ же государь и предлагаетъ мнѣ мѣсто въ сенатѣ, чтобы я на первый разъ поступилъ туда за оберъ-прокурорскій столъ, въ вѣдѣніи оберъ-прокурора Резанова [1]).

---

[1]) Камергеръ двора Николай Петровичъ, который послѣ былъ въ Японіи. Ю. Б.

Предложеніе Александра показалось мнѣ какъ-то непріятно; я былъ разсѣянъ въ обществѣ; былъ лѣнивъ и признаюсь, что неохотно выслушалъ такое назначеніе [1]). Въ это же время и на подобное мѣсто государь помѣстилъ камергера своего двора, графа Павла Александровича Строгонова [2]).

Также вскорѣ случилось, что тотъ же графъ Строгоновъ занялъ уже мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а я поступилъ на мѣсто его и, кромѣ перваго, мнѣ порученъ былъ и третій департаментъ сената. Императоръ Александръ велъ меня такимъ образомъ для того, чтобы я, по словамъ его, научился и впослѣдствіи подготовился къ высшимъ назначеніямъ. Въ это же время Николай Николаевичъ Новосильцовъ, будучи меня моложе чиномъ, поступаетъ, по волѣ государя, въ товарищи министра юстиціи. Канцлеръ Воронцовъ, наблюдая служебные порядки, счелъ тогда за нужное внушить государю о нѣкоторой несовмѣстности стоять мнѣ ниже Новосильцова въ одномъ и томъ же родѣ службы, и вотъ однажды по этому случаю государь позвалъ меня къ себѣ обѣдать въ Таврическій дворецъ—мы обѣдали съ нимъ только вдвоемъ.

— „Я бы очень желалъ, сказалъ тогда мнѣ императоръ Александръ,—чтобъ ты занялъ мѣсто оберъ-прокурора въ синодѣ. Яковлевъ, который числится теперь въ семъ званіи, не совсѣмъ хорошъ; далеко, чтобъ онъ могъ удовлетворять моимъ требованіямъ и ожиданіямъ; притомъ и духовенство совершенно имъ недовольно; мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть на этомъ мѣстѣ. Жалобы на него безпрестанныя; мнѣ бы хотѣлось, продолжалъ государь, чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ эту важную должность. Я никогда къ себѣ не допускалъ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работалъ,

---

[1]) Это было въ 1802 г., см. біографію кн. А. Н. Голицына въ словарѣ Каменскаго, изд. 1847 г.

[2]) Онъ давно былъ камергеромъ, послѣ пошелъ въ военную службу, къ которой имѣлъ всегдашнюю наклонность; впослѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ, имѣлъ втораго Георгія, Александровскую ленту. Государь его очень жаловалъ. Вскорѣ послѣ сего оберъ-прокуроръ Резановъ вызванъ былъ для предпринимаемаго имъ путешествія въ Японію, а на его мѣсто сдѣланъ былъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора графъ Строгоновъ.

Ю. В.

а ты будешь имѣть непосредственно со мною дѣло, ното что вмѣстѣ съ симъ я назначаю тебя и моимъ статсъ-сек таремъ".

Признаюсь, сказалъ мнѣ князь, я не мало встревожился этого предварительнаго назначенія, хотя и ожидалъ отъ госуд чего-нибудь подобнаго.

Разсѣянная жизнь, продолжалъ князь, дворскія привычки, селый сгибъ моего характера, вовсе неумѣстительный съ тѣ мрачными понятіями, какія я имѣлъ тогда объ этомъ зва словомъ, все приводило меня въ смущеніе. При томъ и вершенное незнаніе дѣла не очень располагало меня прин эту готическую должность синодальнаго оберъ-прокурора. кой я оберъ-прокуроръ, думалъ я самъ про себя,—я нич не вѣрю.

— „Помилуйте, ваше величество, сказалъ я наконецъ государ что вы со мною хотите дѣлать? развѣ вамъ неизвѣстно, что пр нявъ назначаемую вами обязанность, я рѣшительно ставлю се въ ложное отношеніе сперва къ вамъ, потомъ къ службѣ, да къ самой публикѣ. Вамъ не безъизвѣстенъ, продолжалъ я, образ моихъ мыслей о религіи и вотъ, служа здѣсь, я буду прямо уж стоять на перекоръ совѣсти и вопреки моихъ умственныхъ по нятій.... Позвольте мнѣ, ваше величество, хорошенько объ этом подумать", прибавилъ я съ нѣкоторымъ настояніемъ.

Александръ согласился, а я радъ былъ и потому, что на первы разъ хотя выигралъ время и могъ посовѣтоваться съ пріятелем моимъ Гурьевымъ [1]).

И вотъ по прошествіи трехъ дней государь снова зоветъ мен въ Таврическій дворецъ, а мнѣ неудалось еще поговорить о моем дѣлѣ съ Гурьевымъ, который, какъ будто, нарочно тогда уѣхал въ Гатчино и не успѣлъ воротиться. Въ томъ же Таврическом дворцѣ мы обѣдаемъ опять вдвоемъ съ государемъ.

— „Ну, Голицынъ, сказалъ мнѣ Александръ,—какъ же ты ду маешь о своемъ мѣстѣ? Рѣшаешься-ли?"

— Ваше величество! я еще не успѣлъ посовѣтываться съ Гурье вымъ, потому что его нѣтъ въ Петербургѣ.

---

[1]) Онъ былъ тогда начальникъ кабинета. Ю. В.

Государь замѣтно огорчился, даже съ нѣкоторымъ упрекомъ сказалъ онъ мнѣ тогда, что, бывши моимъ истиннымъ другомъ, онъ былъ бы въ правѣ ожидать отъ меня большей къ себѣ довѣренности: „мнѣ, продолжалъ Александръ, прискорбно видѣть, что ты совѣты Гурьева болѣе предпочитаешь моимъ указаніямъ".

Выслушавши такую рѣчь изъ устъ государя, я готовъ былъ уже на все согласиться, на что только ему было угодно. Однако я осмѣлился тутъ же замѣтить Александру, что цари обыкновенно смотрятъ на подобныя избранія какъ бы съ какой высоты, и обыкновенно взглядъ ихъ не достигаетъ тѣхъ неровностей, той шероховатости, кои непремѣнно надлежитъ встрѣтить на семъ пути ими избранному и которыя всегда лучше видитъ тотъ, кто стоитъ ниже.

Наконецъ я дѣлаюсь оберъ-прокуроромъ святѣйшаго Синода.

Скажу тебѣ о первомъ принятіи моей должности, о первыхъ, такъ сказать, впечатлѣніяхъ, которыя она во мнѣ произвела. Вотъ я отправляюсь на Васильевскій островъ въ синодъ; вхожу въ готическую храмину, вижу синодскій декоръ, вижу на другой сторонѣ зерцала—служебное распятіе, вмѣстѣ съ симъ глазамъ моимъ встрѣчается какой-то византійскій тронъ изъ позолоченнаго дерева; входя, крѣплюсь, стараюсь быть важнымъ, степеннымъ, приступаю къ слушанію дѣлъ; случилось же, что для перваго моего прихода слушаны были такія дѣла, которыя во всякомъ случаѣ могли служить богатою канвою для самой соблазнительной хроники. На тотъ разъ предложены были процессы о прелюбодѣяніяхъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ и хорошо еще, если бъ все это вводило меня только въ безвкусіе; но можетъ быть, я былъ въ другомъ расположеніи духа и слѣдовательно мнѣ надлежало притворяться.

Послѣ сего перваго засѣданія въ синодѣ, я отправляюсь обѣдать къ государю; мы опять съ нимъ остаемся вдвоемъ. Александръ приказываетъ мнѣ пересказать ему о впечатлѣніи, полученномъ мною при вступленіи въ должность. Этого мнѣ и хотѣлось. Въ то время я имѣлъ еще претензіи на остроту. Расположеніе въ насмѣшкѣ было тогда моимъ обычнымъ расположеніемъ. Меня любили за мою неподдѣльную веселость и я, бывало,

разливался въ саркастическихъ насмѣшкахъ и колкихъ замѣчаніяхъ на все, что только ни попадало мнѣ подъ руку. Мои сарказмы конечно выбирали предметомъ смѣшную только сторону людей, но часто они поражали и то, что долженствовало всегда быть неприкосновеннымъ для всякаго честнаго человѣка. Невѣрственная школа XVIII столѣтія пустила глубокіе корни въ моемъ сердцѣ. Деизмъ, который въ то время былъ признакомъ людей высшаго общества и хорошаго тона, былъ, такъ сказать, моя раціональная принадлежность и составлялъ все мое вѣрованіе. Иногда въ злоупотребленіи своего разума я доходилъ до такихъ крайностей, о которыхъ воспоминаніе поражаетъ меня и доселѣ горькою и справедливою скорбію.

Мнѣ припоминается теперь одинъ случай, который, кстати, я разскажу тебѣ для примѣра.

Въ обществѣ нашихъ общихъ знакомыхъ былъ нѣкто князь Тюфякинъ, человѣкъ, котораго нравственность вовсе была не лучше моей. И вотъ однажды, находясь у него въ домѣ, бывши уже оберъ-прокуроромъ синода, я вымолвилъ такое несовмѣстное, такое дерзновенное богохульство, что очень тѣмъ соблазнилъ моего Тюфякина, который не мало даже отъ того и встревожился и просилъ меня его пощадить. Вотъ какого блюстителя имѣлъ во мнѣ святѣйшій синодъ!....

Но я уклонился отъ моего разсказа, кажется, на томъ мѣстѣ, что государь спрашиваетъ меня о впечатлѣніи, какое сдѣлалъ на меня синодъ.

— Не затаю предъ вами, ваше величество, отвѣчалъ я ему, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе самое невыгодное, чтобъ не сказать вамъ чего болѣе. Мрачный видъ этой присутственной и закоптѣлой каморы, продолжалъ я, эти чернецы еще въ мрачнѣйшихъ своихъ рясахъ, вмѣсто украшенія стоявшее распятіе, навѣяли на меня грусть могильную, мнѣ уже казалось, что причетъ готовъ отпѣвать меня заживо!.... Кромѣ того, даже самое свойство дѣлъ, тамъ трактуемыхъ, было вовсе не по мнѣ; ибо оныя совершенно различествовали отъ тѣхъ, къ которымъ я привыкъ, служа по сенату.

Мой разсказъ не произвелъ однакожъ ожидаемаго мною дѣйствія на государя; ибо по мѣрѣ словъ моихъ Александръ прини-

малъ на себя видъ болѣе и болѣе серіозный, такъ что я уже нашелся принужденнымъ сей же часъ замолчать, считая уже не приличнымъ и даже не смѣя продолжать разговоръ мой въ такомъ тонѣ.

И вотъ съ тѣхъ поръ, продолжалъ князь, установились мои регулярныя посѣщенія синода.

Я хотя и ѣздилъ въ синодъ, но сердце мое не перемѣнялось, страсти крѣпко обуревали мою душу и я любилъ тогда поддаваться особенно тѣмъ изъ ихъ изысканныхъ нелѣпостей, гдѣ занимаемое мною званіе, званіе по справедливости столь важное, могло служить наибольшимъ упрекомъ моего тогдашняго поведенія. Иногда въ чаду молодаго разгулья, въ тѣсномъ кругу тогдашнихъ прелестницъ, я внутренно любилъ смѣяться своей странной случайности; мнѣ очень тогда казалось забавно, что эти продажныя фрины никакъ не соображали, что у нихъ на этотъ разъ гоститъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Милосердный Боже! прибавилъ со вздохомъ князь, сколько ты терпѣливъ былъ ко мнѣ, и сколько разъ милость Твоя меня щадила! Ну если бы тогда пресѣклась жизнь моя, чтобы тогда было со мною, слѣпымъ и несчастнымъ грѣшникомъ!

Я снова обращаюсь къ своему разсказу: и такъ я сталъ ѣздить въ синодъ; началъ отправлять свою должность съ языческою, такъ сказать, добросовѣстностію. Но здѣсь я пока оставлю эту матерію, продолжалъ князь, чтобъ передать тебѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя не менѣе любопытны.

Помнишь, что мы говорили о графѣ Павлѣ Александровичѣ Строгоновѣ, который изъ-за оберъ-прокурорскаго стола такъ скоро сдѣланъ былъ настоящимъ оберъ-прокуроромъ, и потомъ еще скорѣе того товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.... Ты, я думаю, также не забылъ и Николая Николаевича Новосильцова, который и чиномъ и службою бывъ меня моложе, также скоро былъ сдѣланъ и такимъ же товарищемъ министра юстиціи. Эти скорыя возвышенія могутъ тебя удивить, но я раскрою тебѣ настоящую ихъ причину.

Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, Александръ поспѣшилъ обставить себя нѣкоторыми изъ людей, отличавшимися тогда свободою мыслей, непризнаніемъ религіи, отраженіемъ того

духа либерализма, который взволновалъ умы всей почти Европы То были, не однажды уже упомянутые мною, графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ, Николай Николаевичъ Новосильцовъ и князь Адамъ Чарторижскій.

Этотъ троичный союзъ составлялъ такъ называемый тайный комитетъ государевъ, обыкновенно собиравшійся у него въ послѣобѣденное время. Здѣсь императоръ любилъ на просторѣ бесѣдовать съ этими господами; они звенѣли (?) ему безкорыстіемъ усердія, философскими утопіями народнаго управленія и апоѳегмами пользы и добра отечеству; но все это былъ сущій вздоръ и крушеніе духа.

Графъ Строгоновъ былъ человѣкъ не такъ далекій, хотя воспитателемъ его былъ знаменитый по тогдашнему времени демагогъ Ромъ, который, вмѣсто обыкновеннаго счисленія времени по недѣлямъ, ввелъ во Франціи извѣстную декаду.

Князь Адамъ Чарторижскій, хотя по наружности и считался произведеніемъ князя Адама же, нѣкогда фельдмаршала австрійскихъ войскъ, но онъ просто былъ прижитъ матерью его съ нашимъ княземъ Репнинымъ, нѣкогда также главноначальствовавшимъ нашею арміею въ Польшѣ. Доказательствомъ сего могло служить, между прочимъ, и то, что онъ былъ вылитое подобіе князя Репнина, и отецъ и сынъ повидимому это хорошо знали, ибо часто случалось, что во время болѣзни молодаго Чарторижскаго, князь Николай Васильевичъ, бывши такимъ знатнымъ бариномъ, не затруднялся однакожъ ходить къ юношѣ на квартиру и подолгу сидѣть у него. Князь Адамъ служилъ тогда въ нашей гвардіи офицеромъ и за то были возвращены ему тѣ большія помѣстья въ поступившихъ къ намъ отъ Польши губерніяхъ, которыя были отобраны у его отца. Смѣтливый полякъ за тѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, за тѣмъ и вступилъ на службу, чтобъ прибрать въ руки конфискованное въ казну имѣнье, не смотря, что мать его, политическая интригантка и гулливая полька, подъ страшною клятвой обязала сына не любить Россію и постоянно противиться ея пользамъ и величію.

Кстати о матери князя Адама: вдругъ слышитъ она, что въ Варшавѣ проявился какой-то магъ, который съ подробностію высказывая всю прошедшую жизнь, будто бы въ то же время показы-

ваетъ и желанный гороскопъ будущности. Княгиня Чарторижская, какъ вѣрная дочь пра-матери Еввы, допытывается узнать, гдѣ живетъ такой необыкновенный отгадчикъ, который, по отзывамъ знатныхъ придворныхъ госпожъ, передалъ имъ всю ихъ подноготную, все, что зазнало ихъ сердце отъ интриги исполненной до интриги предположенной.

Княгиня доискалась наконецъ до его пребыванія. Въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи Варшавы, въ одномъ изъ верхнихъ жильевъ какого-то дома, жилъ этотъ скромный чародѣй дамскій; къ нему Чарторижская лично къ нему является и видитъ человѣка, украшеннаго почтенною сѣдиною и котораго живописно-окладистая борода есть достаточное поручительство могучаго таланта. Можетъ быть еще съ недовѣріемъ приступала къ нему сластолюбивая полька съ своими вопросами, но что же, какъ она была должна удивиться, когда всевѣдущій чародѣй вытянулъ, такъ сказать, предъ нею весь длинный свитокъ и политическихъ, и любовныхъ интригъ дворской дамы. Откровеніе такъ было полно, съ такими изумительными подробностями, съ такимъ мастерскимъ знаніемъ мѣстности, что моя княгиня пришла, можетъ быть, сперва отъ того въ восторгъ, а потомъ въ ужасъ и замѣшательство.

Но скептицизмъ ея этимъ еще не угомонился; опытная и ловкая интригантка вызвала на новый бой разгадавшаго ея волхва: узнаешь-ли, говорила она ему, что я намѣрена сдѣлать въ эту наступающую недѣлю?

— Посмотримъ, отвѣчалъ таинственный мужъ.

И вотъ Чарторижская, и безъ того уже на это время замышлявшая рядъ новенькихъ интригъ, интересныхъ свиданій и тому подобнаго, имѣла прекрасный случай употребить, такъ сказать, свои шалости, чтобъ повѣрить знанія колдуна; на этотъ разъ однако она думала это сдѣлать при условіяхъ болѣе скромныхъ, что и исполнила на самомъ дѣлѣ съ надлежащею скрытностію и осторожностію, какъ подобаетъ знатной дамѣ и опытной полькѣ. По прошествіи назначеннаго времени, является моя княгиня къ своему уже знакомому чернокнижнику, не безъ робости же она подступаетъ къ нему съ выученными вопросами. Вотъ опять также повторяется исторія: чернокнижникъ пересказываетъ ей все свершившееся; говоритъ даже ей о неисполненныхъ ожида-

ніяхъ, объ обманувшихся надеждахъ. Княгиня моя уже не на шутку приходитъ въ ужасъ, какъ магъ вдругъ захохоталъ во все горло и снимая парикъ свой и накладную бороду, онъ ей показываетъ въ особѣ своей дражайшаго ея супруга и повелителя, такъ удачно подшутившаго и надъ нею, и надъ ея легковѣрными подругами, которыхъ секреты какъ ему было не знать, живя при дворѣ; слѣдовательно изумительная вѣрность подробностей была совершенно разгадана, особенно для жены его.

Княгиня Чарторижская, продолжалъ князь, кромѣ элемента страстности и влюбчивости, была одержима еще духомъ честолюбія. Въ этой полькѣ и самыя страсти дѣлались проводниками для ея политическихъ плановъ; уловлять мужчинъ въ силѣ и случаѣ, дабы впослѣдствіи подчинять ихъ своему вліянію и своекорыстнымъ внушеніямъ, было любимымъ занятіемъ молодыхъ лѣтъ ея.

Но честолюбіе не оставляло княгиню и въ преклонныхъ лѣтахъ жизни. Во время пребыванія своего въ Варшавѣ для коронаціи, государь императоръ Николай Павловичъ не могъ не замѣтить, что она не явилась на сіе торжественное событіе, не смотря на то, что сынъ ея, о которомъ теперь идетъ рѣчь, проживавшій тогда въ Варшавѣ, государевою милостію возведенъ былъ въ оберъ-камергерское достоинство.

— „Вотъ я уже возвращался изъ Варшавы, сказывалъ мнѣ самъ императоръ, и, подъѣзжая къ мѣстечку Пулавѣ, одному изъ любимыхъ мѣстопребываній князей Чарторижскихъ, еще сидя въ коляскѣ, вижу, что на паромѣ, имѣющемъ перевозить меня на ту сторону рѣки, пестрѣются дамскіе костюмы; вереница женщинъ готовилась встрѣчать меня при моемъ выходѣ; приближаюсь и вотъ старуха Чарторижская, стоя на паромѣ, привѣтствуетъ меня съ глубокими изъявленіями своей преданности; мнѣ бы весьма пріятно было, продолжала она, еслибъ ваше величество удостоили посѣтить домъ мой; теперь время обѣда; августѣйшій братъ вашъ всегда мнѣ дѣлалъ эту честь и проч. Я отвѣтствовалъ княгинѣ просто и довольно сухо, сказавши ей, что обѣдать теперь у нея не могу, по той причинѣ, что обѣдъ уже назначенъ на одной изъ слѣдующихъ станцій; но еслибъ

это было въ Варшавѣ, прибавилъ я, и княгинѣ вздумалось позвать меня тогда, то, можетъ быть, я и нашелъ бы еще время доставить ей это удовольствіе. Я видѣлъ, что отказъ мой для княгини былъ очень непріятенъ, но я не перемѣнилъ своего намѣренія".

Государь очень постигъ, примолвилъ князь, затѣи хитрой старухи; своей польской публикѣ она показала бы, что не поторопилась ѣхать на коронацію, а посѣти ея Николай, то она той же публикѣ подъ рукою дала бы замѣтить, какъ еще готовы русскіе монархи показывать вниманіе къ ея высокому аристократическому значенію въ Польшѣ.

У князя Адама Чарторижскаго эта аристократія была какъ-то непомѣрна и даже нелѣпа; извѣстно, что въ головѣ его всегда роились странные и несбыточные планы; онъ находилъ какую-то возможность сочетовать республику съ королевскимъ званіемъ; ключъ такого чудовищнаго соединенія демократіи или, лучше сказать, олигархіи, съ царскою властію, состоялъ у него въ томъ, что ему самому издавна хотѣлось власти царской вслѣдствіе безумно тщетнаго его надѣянія управлять поляками.

Но я уклонился отъ моего предмета, и вотъ тороплюсь досказать тебѣ о третьемъ лицѣ тайной думы государевой. Это былъ, какъ я выше объяснилъ, Новосильцовъ. Онъ не болѣе какъ маіоръ при Екатеринѣ (прибавлено другою рукою „при Павлѣ"), удалился въ Англію, будто бы для того, что не могъ сносить деспотизма Павлова, вдругъ выплылъ при самомъ началѣ царствованія Александра съ запасомъ англоманіи и самыхъ свѣжихъ идей, на хартіи основанныхъ; мнѣ сдается, продолжалъ князь, что онъ никогда не имѣлъ въ себѣ истинныхъ качествъ высшаго государственнаго сановника и впослѣдствіи, уже старикъ, но еще волнуемый страстями, волокитствомъ, можетъ быть, даже и безполезнымъ, онъ подъ часъ упивался на обѣдахъ и невольно долженъ былъ представлять изъ себя Гистріона. Даже не задолго до своей смерти, во время одного изъ тѣхъ праздниковъ, которыми обыкновенно англійскій клубъ тѣшитъ свою публику, старикъ чрезъ чуръ подпилъ и до того развеселился, что пошелъ вмѣстѣ съ другими въ присядку. Такая несовмѣстность поведе-

нія въ предсѣдателѣ государственнаго совѣта очень огорчила государя.....

— Какъ, сказалъ я, неужели государь это узналъ?

— „Нашъ государь все знаетъ!—отвѣчалъ мнѣ князь съ нѣкоторою значительностію".

(Записалъ Ю. Бартеневъ).

Сообщ. графъ П. А. Валуевъ.